

ЛЕВ ЛОСЕВ
МЕАНДР

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Л 79

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Составители
Сергей Гандлевский и Андрей Курилкин

© Л. В. Лосев (наследник), 2010
© Л. В. Лосев (наследник), фото, 1961
© С. М. Гандлевский, предисловие, 2010
© С. М. Гандлевский, А. Р. Курилкин,
составление, 2010
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-29684-8

О мемуарной прозе Льва Лосева

В 2007 году у себя дома в Ганovere, в Новой Англии, Лосев обмолвился, что пишет воспоминания, и по моей просьбе сделал для меня копию готовой части книги под названием «Меандр». Я спросил, что это такое. Лев Владимирович объяснил игру смыслов в заглавии: причудливые петли реки и в то же время — геометрический узор. Оба значения переносные — от греческого *Maiandros*, имени извилистой речки в Малой Азии.

Название для книги мемуаров очень точное: с одной стороны, «воспоминанье прихотливо» и петляет, как речное русло, с другой — по ходу рассказа в неразберихе индивидуальной памяти может обнаружиться, будто ритм в орнаменте, логика прожитого.

Литературная автобиография «Меандр» осталась незавершенной: 6 мая 2009 года Лев Лосев умер. Но и в неоконченном виде она представляется замечательным произведением отечественной мемуарной прозы, соизмеримым, на мой взгляд, с мемуарами Герцена, Короленко, Бунина, Ходасевича и др.

«Меандр» как всякая честная автобиография — одновременно и картины прошлого, и «роман воспитания». На закатном свете преклонного возраста автор разглядывает себя же в детстве, отрочестве и далее, словно «кристалл, из которого начинает разрастаться человеческая личность»; разглядывает автора и читатель. И в этом смысле книга «Меандр» еще и впечатляющая история ответственной жизни, прожитой

на свой страх и риск — в выстраданном согласии с избранным поприщем и нравственной выскательностью. Перед читателем своего рода «патент на интеллигентность».

Знакомые читателю по стихам Льва Лосева непринужденный ум, мрачноватый юмор, самоирония присущи и мемуарной прозе поэта, а высказывания, оценки, естественные интонации этого невымышленного повествования звучат, в свою очередь, в унисон лирике. Судя по всему, автору дано было исполнить старинную заповедь «живи, как пишешь, и пиши, как живешь». Память Лосева на редкость бескорыстна и добросовестна и внушает очень большое доверие. Так что «Меандр», помимо прочего, еще и ценный комментарий к жизни и творчеству и самого поэта, и целого круга его современников.

В том же ключе написана и остальная мемуарная проза Лосева, что позволило издателям распространить название «Меандр» на весь настоящий том. Такая же психологически убедительная «меандрическая» манера свойственна и воспоминаниям об Иосифе Бродском. Другой раздел книги составили мемуарные эссе, публиковавшиеся Лосевым на протяжении двух последних десятилетий. Как правило, написанные по случаю, эти очерки мыслились Лосевым частью «Меандра»¹, однако в силу своей композиционной самостоятельности они уже не поддаются механическому включению в его состав, а потому и напечатаны отдельно. Равно как и воспоминания Лосева о его единственном и, увы, несчастливом приезде на родину в 1998 году.

Эту книгу я читал неоднократно: сначала на правах частного лица в рукописи, потом — немного помогая «Новому издательству», но и чтение, и пере-

---

¹ Подробнее о принципах, которыми руководствовались составители настоящего издания, говорится в завершающей книгу заметке.

читывание доставляли неизменное удовольствие. И я поздравляю любителей литературы с серьезным и отрядным событием — изданием наиболее полного на сегодняшний день собрания мемуарной прозы Льва Лосева. Уверен, что книге суждены интерес и любовь читателей не одного поколения.

Сергей Гандлевский

Высшее, чего может достигнуть человек, — заметил Гёте по этому поводу, — изумление.

Эккерман

...простое ясное изложение фактов привлекательно с чисто литературной точки зрения.

[Sir] Лесли Стивен¹

Сиди себе и кропай про Иосифа, как про Москву написал.

Нина

---

¹ Известный в свое время писатель, да еще и отец Вирджинии Вулф; это он сказал о Дефо.

ГЕНЕТИКА, ГЕНИАЛЬНОСТЬ

«Лежим мы с Иосифом на кладбище...» — я сказал Иосифу, что начну когда-нибудь такой фразой свои мемуары, и рассмешил его. Вообще это не слишком часто мне удавалось, потому что его смешили каламбуры, а каламбурить меня смолodu отучали Виноградов и Ерёмин. Они считали каламбуры низшим сортом юмора, пригодным разве что для нашей халтурной детской драматургии, и, если я или кто другой не удерживался и каламбурил, с аффектированной укоризной говорили: «Фу-у!» Так собак отучивают от дурного поведения. (Еще Иосиф любил сальные, «солдатские», анекдоты, но это интересная и сложная тема, ее мы отложим.) С годами, в удалении от моих цензоров, в Америке, запрет стал ослабевать, и я уже реже удерживался от каламбуров, особенно в разговорах с Иосифом. Иногда он реагировал на них не смехом, а профессионально. Например, когда я, зацепившись за что-то в разговоре, ляпнул: «Мертвые Lebensraum'у не имут», Иосиф сказал: «Пригодится для художественного произведения». И действительно пригодилось. В последний раз я услышал, как он от души рассмеялся, в середине нашего последнего долгого разговора, примерно за месяц до смерти. Это было, когда в ответ на его рассказ о неблагоприятном поведении, житейском и ли-

тературном, Г. Г. я процитировал первую строчку своего стихотворения «Записки фокстерьера о хозяйке...». Он попросил прочесть до конца, но я сомневался, что остальное в стихике ему понравится, и сказал, что лучше пришлю, но послать уже не успел.

На кладбище мы действительно валялись долго в очень теплый день 22 октября 79-го года. Это был мой первый год в Нью-Гемпшире и первый из нечастых приездов Иосифа к нам в Дартмут. Мы пошли побродить по городку и забрели на самое старое кладбище Гановера. В наше время оно оказалось в центре кампуса, между зданием большой студенческой столовой и комплексом общежитий, — небольшой участок под высокими соснами, тонкие, сверху закругленные мраморные доски надгробий торчат по здешнему обычаю вертикально, как серые пятнистые, замшелые спинки кроватей. Мы бросили пиджаки на покрытую теплыми желтыми иглами землю, легли навзничь, глядели на синеву и тонкие нити бабьего (индейского) лета. Думаю, что наша болтовня мало отличалась от посвистывания синиц, чижигов и дятлов. Птицы праздновали над кладбищем хорошую погоду. Я совершенно не помню, о чем мы говорили, разговор был глубже и важнее своего содержания. Подслушать нас могли только немногочисленные Брэдли и Мак-Натты, усопшие, когда республика была еще молода, а то и подданные короля Георга III.

Мой пиджак, с которого потом я стряхивал желтые иголки, был с плеча Иосифа, а прежде с какого-то анонимного плеча. Иосиф недолюбливал новые вещи. Если покупал что-то новое, то старался поскорее обмять, обносить. Он приехал в Нью-Йорк в середине 70-х, когда в Нижнем Манхэттене было полно заброшенных зданий и трава пробивалась из трещин асфальта на пустых боковых улицах.

Тогдашние молодые писатели и богема воспринимали экономический упадок элегически — поэтика руин. Снимали за гроши полуразрушенные мансарды. Одевались в поношенное из магазина Армии спасения или со склада армейских излишков. Пацифисты щеголяли в шинелях со спортивными погонами. Эта мода совпадала со вкусами Иосифа. В Гринвич-Виллидж, за углом от него, на Хадсон, был большой магазин поношенной одежды, где Иосиф обожал рыться. Зажиточные, но расчетливые ньюйоркцы, надев несколько раз за сезон новый твидовый пиджак или блейзер от Билла Бласса, освобождали место в своих гардеробах для одежды нового сезона. На Хадсон это добро, пройдя химчистку, продавалось по десять-пятнадцать долларов, то есть в пятнадцать–двадцать раз дешевле, чем новое. Иосиф покупал там пиджаки ворохами. Рассказывал мне, что иногда ходит туда с другим любителем старья, Алленом Гинсбергом (я думаю, это было единственное, что их объединяло). «Аллен купил себе смокинг за пять долларов!» (Я думал: зачем битнику смокинг?) В результате с Хадсон на Мортон-стрит перекочевало такое количество оде́жи, что, открывая свой гардероб, Иосиф рисковал быть погребенным под твидовой лавиной. Он щедро раздаривал это добро знакомым. В том числе приодевал и меня, что было очень кстати в те тощие годы. В марте 1980 года, когда задумывалось издание его трехтомника, я привез ему для отбора текстов свои четыре тома машинописного марамзинского собрания (у него у самого не было). Мы не успели справиться с работой, Иосифу надо было ехать куда-то из Нью-Йорка, а мне возвращаться в Дартмут, он попросил оставить на несколько дней марамзинские тома. Я уезжал после него и оставил на томах записку: «Уезжаю в 8-ми пиджаках, в 2-ух штанах и в глу-

бокой тревоге, что оставил в неверных руках драгоценные жизни итоги...» и т. д. Он потом сказал свой обычный комплимент: «Это лучшее, что вышло из-под твоего пера...» Не все, кому приходилось такое от него слышать, обращали внимание на релятивность похвалы. Я сносил несколько Иосифовых пиджаков, прежде чем в одно прекрасное утро вдруг задумался: а почему, собственно говоря, они мне впору?

Ибо я всегда полагал, что Иосиф больше меня — выше и крупнее. Выходит, он мне только казался таким? Но дело было все-таки не во мне. Я вспомнил одно странное впечатление из тех дней, когда и Иосиф, и я, и Уфлянд, а еще раньше Марамзин, халтурили на «Ленфильме» на дубляже иноязычных фильмов. Однажды я шел по центральному коридору студии на смену. Была середина рабочего дня, по коридору спешило много делового народа, но, как всегда бывает на киностудии, все не забывали и посматривать по сторонам — не пропустить бы какое звездное явление. И вот я увидел, что навстречу мне с дальнего конца коридора что-то такое приближается, какой-то человек-флагман, перед которым расступаются ленфильмовские волны, — Смоктуновский? Анджей Вайда? Марчелло Мастоаянни? Через несколько секунд я увидел, что это идет Иосиф в своем старом единственном костюме, помахивая рыжим от затертости портфелем. Мало кто знал его в лицо в те времена, да и слава его тогдашняя была не того рода, чтобы производить впечатление на актрис, помрежей и осветителей. Но что-то было в его походке, осанке, что заставляло даже эту публику сторониться, расступаться. Это впечатление вернулось года три спустя, уже после отъезда Иосифа, совсем уж странным образом. Я пробирался в очень густой толпе к станции метро «Технологический

институт». И опять увидел, как образовывается просвет, как чье-то движение раздвигает толпу. Но на этот раз, глядя прямо перед собой, я никого не увидел. Потом я опустил взгляд и вздрогнул: запрокинув, не высокомерно, а царственно, рыжую голову, шел Иосиф, только очень маленького размера. Прошли какие-то мгновения, прежде чем картина утратила свою пугающую мистичность. Это был просто-напросто семилетний сын Иосифа, Андрей. Волочимый матерью за руку к метро, он ухитрялся сохранять царственную повадку и внушать окружающим инстинктивное почтение. Я, естественно, подумал: «Гены», и пришедшее на ум слово вдруг решительно указало на однокоренное — «гений».

В детстве я, как, наверное, и многие, полагал три обычных похвальных эпитета иерархически знаками, наподобие погон, высшему чину — «гениальный», следующему — «талантливый», пониже — «одаренный». Последние два еще повышают или понижают модификаторами вроде «очень», «исключительно» или «довольно». «Очень одаренный», «одаренный» и «довольно одаренный» — это вроде как старший лейтенант, лейтенант и младший лейтенант. Но вот «довольно гениальный» мы не говорим. Если мы хоть сколько-нибудь уважаем то, что выходит из наших уст или из-под пера, то мы должны запретить себе пользоваться этими бессмысленными клише. Начать с того, что «талантливый» и «одаренный» — синонимы по лежащей в их основе метафоре: Божий дар — то же, что и талант евангельской притчи («не зарыл, не пропил»). А «гениальный» в смысле «очень-очень талантливый» пусть употребляют те, кто способен выговорить: «Старик, ты гений!» — и не сблевать. Самое умное из всего написанного на тему иерархии в искусстве следующее: «Больш-

шой поэт. Великий поэт. Высокий поэт. Большим поэтом может быть всякий большой поэт. Для большого поэта достаточно большого поэтического дара. Для великого самого большого дара мало, нужен равноценный дар личности: ума, души, воли — и устремление этого целого к определенной цели, то есть устройство этого целого. Высоким же поэтом может быть и совсем небольшой поэт, носитель самого скромного дара (...) — силой только внутренней ценности добывающийся у нас признания поэта. Здесь дара хватило как раз в край. Немножко поменьше — получился бы просто герой (то есть безмерно больше). Великий поэт высокого включает — и уравнивает. Высокий великого — нет, иначе бы мы говорили: великий» (Цветаева, «Искусство при свете совести»). Прочитав это впервые, я испытал облегчение. Все встало на свои места: вот почему при всем восторге, который я испытывал, читая Баратынского и Тютчева, язык не поворачивался назвать их великими, если легко произносилось «великий Пушкин». Баратынский — большой русский поэт, Тютчев — высокий. При свете совести Цветаева рассуждает и о том, что такое гений. (Заметим, что в оценочную иерархию она это понятие не включает.) «Гений: высшая степень подверженности наитию — раз, управа с этим наитием — два. Высшая степень душевной разъятости и высшая — собранности. Высшая — страдательности и высшая — действительности. Дать себя уничтожить вплоть до последнего какого-то атома, из уцеления (сопротивления) которого и вырастет — мир». Ее определение гения звучит почти кощунственно — «дать себя уничтожить вплоть до последнего какого-то атома, из уцеления (сопротивления) которого и вырастет — мир» — это ведь Спаситель. Речь идет о такой способности к подвигу в искусстве и жиз-

ни, которая не дается одним целеустремлением, одной волей, необходим еще дар, несравненно больший, чем у большого поэта. Нечто изначально данное, врожденное, генетический взрыв. Итогом размышлений над текстом Цветаевой стал трюизм: гении — не такие люди, как мы, и т. д. вплоть до затрепанной цитаты из Пушкина: «Он и мал и мерзок — не так, как вы, — иначе». Вывод был банален, но вывод, который я сделал для себя из этого вывода, сильно помог мне прояснить смутно беспокоившую меня этическую проблему, связанную с моей профессией преподавателя литературы и критика. Нередко, читая даже не школярские, но академически значительные, остроумные, подкрепленные глубокими знаниями анализы гениальных сочинений, я под конец ощущал какую-то неверность тона. Фальшь ощущалась тогда, когда ученый критик *до конца* объяснял, что и как сказал гений. В тех же случаях, когда интерпретации и анализу подвергался лишь один какой-то аспект произведения или творчества, этого не происходило. Я имею в виду больших людей — Эйхенбаума, Тынянова, Бахтина, Лотмана. А уж в кандидатских диссертациях авторитетный тон аналитика, «полностью овладевшего» своим предметом, резал слух, как визг мела по доске, после того как ее вытерли мокрой грязной тряпкой. Постмодернистская самовлюбленная болтовня по поводу «отсутствия автора» и «бесконечности прочтений» ровно противоположна тому, что пытаюсь сказать я: если, как говорит Цветаева, гений «подвержен наитию», способности целостного миропостижения, в несравненно большей степени, чем мы, то мы, по определению, не можем претендовать на полноту понимания его творчества. Нашими собственными наитиями, усилиями воли, методами мы можем только вчитываться в им напи-

санное. «И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем», — как сказал один русский гений о другом русском гении. Гениальность означает только самое себя, она не означает, например, безупречность. Мы вправе морщиться проявлениям дурного вкуса у Достоевского, Блока, Пастернака или Солженицына, но эти люди родились гениальными.

Кстати, Пастернак и Солженицын своим обликом производили впечатление людей необычных — не таких, как все. То же и Мандельштам, и Цветаева, не говоря уж о Хлебникове, не говоря уж о единоголосном стане «Царственная!» по поводу Ахматовой. Напротив, во внешнем виде моих любимых (больших, высоких) поэтов, Фета, Анненского, Заболоцкого, самое интересное — их заурядность: они и выглядели как отставной офицер-помещик, директор гимназии, счетовод. Если гениальность в генах, то она не может не отражаться на осанке, походке, взгляде, выговоре. Она не может не заставлять людей оборачиваться и расступаться. Гений может показаться и физически больше себя самого. Подобной иллюзии было подвержено не только мое зрение. Случайный знакомец, рижский художник Артур Никитин рассказывает: «Бродский тогда был здоровый рыжий парень, конопатый, вот с такими плечами, все как надо»¹. Много лет близко знавший Бродского о. Михаил Ардов вспоминает о первом впечатлении: «Иосиф — рыжеволос, высок...»² Правда, впервые он увидел Бродского рядом с малорослым Найманом, но вот и А. Я. Сергеев в начале своих прекрасных записок «О Бродском» пишет: «Открываю

¹ Даугава. 2001. № 6. С. 101.

² Ардов Б., Ардов М., Баталов А. Легендарная Ордынка. СПб.: ИНАПРЕСС, 1997. С. 159.

дверь, вижу — стоит ражий рыжий парень. Широкоплечий, здоровенный...»¹ Но тогда и я, судя по тому, как впору мне приходилась одежда Иосифа, ражий и здоровенный, однако обо мне этого никак не скажешь.

В этой связи, мне кажется, пробой гениальности служит еще и полнейшее отсутствие усилий что-то нарочно сделать со своей внешностью. Пастернак щеголял в затрапезе, а принаряжался (см. фотографии празднования Нобелевской премии), как колхозник на районный съезд. Мандельштам чувствовал себя неловко в не по чину барственной шубе. Солженицын в качестве основного костюма сконструировал себе френч, довольно нелепый — зато карманы удобно расположены. Иосиф искренне полагал, что его внешний вид — образец анонимности, «совершенный никто, человек в плаще». Брил усы и бороду, чтобы ими не выделяться из бритого большинства. В один из его предотъездных из СССР дней Александр Иванович при мне давал сыну совет: «Когда у тебя будет там — на Западе — возможность, купи себе приличный черный костюм и белую рубашку, это годится на все случаи жизни». Черного костюма, если не считать нобелевского фрака, Иосиф не носил, но в смысле одежды на все случаи жизни совету отца последовал. В июне 97-го года я очень жарким днем плелся по римской виа Фунари

---

¹ Интересно, что то же укрупненное впечатление у Сергеева было и от сочинений Бродского. Он пишет: «Его „Исаак и Авраам“ — действительно тысячи строк, а 500 строк моего перевода (поэмы Э. А. Робинсона «Айзек и Арчибальд». — *Л. Л.*), как в оригинале, ему показались до обидного куцыми» (*Сергеев А. Omnibus*. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 433). На самом деле в «Исааке и Аврааме» всего 607 строк, то есть только на треть больше, чем в поэме Робинсона (416).

к пьядце Маттеи. Вдруг впереди из подьезда появилась фигура в голубой рубахе *button-down* с зашученными рукавами, в хлопчатобумажных штанах цвета хаки. Рыжеватая седина вокруг лысины на большой голове. У меня сжалось сердце, я рванулся к нему и остановился. То был римлянин в обычной униформе что итальянцев, что ньюйоркцев нашего поколения. Поигрывая ключами, он шел к своему красному «фиату».

К природным особенностям Иосифа следует отнести и то, что, даже ляпнув на рубаху соусом и затерев пятно кое-как, он выглядел элегантно. На пасквильных страницах романа «Скажи: изюм» В. Аксенов описывает грязный затрапез, в котором щеголяет в Нью-Йорке «Алик Конский». (На себя бы поглядел, ну точь-в-точь «новый русский»: весь в фирме, вечно с ридикюлем-пидараской на плече.) Женщины, знающие толк в таких вещах, всегда отмечали инстинктивную элегантность Иосифа. И уж совсем странное: я никогда не замечал, чтобы от него попахивало — потом или изо рта, хотя он и писал: «Смрадно дыша и треща суставами». Хотя в холостяцком быту он был неряхой — неубранная постель, разбросанное вперемешку с книгами, рукописями и письмами белье, всюду чашки с кофейными опивками, в раковине невымытая посуда ожидают прихода еженедельной уборщицы (или домоводческого порыва заночевавшей подруги). Была у него присказка: «Рукопись без кофейных пятен — не рукопись».

Иосиф когда-то говорил о кошках, что у них не бывает некрасивых поз, а об англоязычных людях, что они все умны, потому что на английском языке невозможно сказать глупость. Потом ко второму замечанию он начал прибавлять: «Раньше я думал...» Я тоже считаю, что кошки скорее могут быть названы венцом творения, чем люди, и все

же, когда кот вытягивает вверх почти вертикально, как палку, заднюю левую ногу с растопыренными грязными розовыми подушечками и начинает вылизывать задницу, трудно счесть его позу изящной. Была непроизвольная, генетически заданная красота и крупность в том, как Иосиф выглядел, в его движениях, интонациях голоса. На фотографии он, при всей своей фотогеничности, мог выглядеть иной раз некрасивым или смешным, в живом движении — никогда. Каким разным он мог быть на фотоснимке — особенно наглядно показывают две фотопробы, сделанные году в 70-м. На Одесской киностудии начинали снимать фильм о подвигах катакомбных партизан во время немецкой оккупации, и режиссер пригласил Иосифа попробоваться на роль комиссара подпольщиков. Причем фамилия этого исторического лица была тоже Бродский. Ничего не вышло из всей затеи, кроме двух снимков, фотопроб, которые Иосиф привез из Одессы. На одном его сняли в черном кожаном пальто — комиссар, а другой он попросил сделать сам, надев для смеха вермахтовскую форму. Не зная, трудно разглядеть, что на обоих снимках изображен один человек. На первом — отталкивающего вида плешивый еврей, на втором — добряк и весельчак, немецкий обозный фельдфебель из тех, кто, грустя о своих, оставленных в Саксонии, угощает русских детишек шоколадом. Эту вторую фотографию я у него выпросил, но, отправляясь в эмиграцию, решил с собой не брать: разрешалось вывозить только фото близких родственников, и мне не хотелось объясняться с таможенниками, ни с советскими, ни с американскими, по поводу близкого родственника в гитлеровской армии.

Иные его высказывания могут показаться опрометчивыми или грубыми, но часто бывало, что по-

том, увязав резанувшее слух замечание с другим текстом Иосифа, я открывал в нем смысл и остроумие, незаметные мне вначале. Ничего неумного и вульгарного сказать или подумать он не мог.

Но ведь вот какое дело — сказать гениальному другу о его гениальности нельзя, поскольку само слово не приспособлено для произнесения вслух. Однажды, увы, я все же попытался. (Совестно вспоминать.) Осенью 95-го года, когда он минут сорок читал по телефону стихи, я, после «Пиранези», выговорил: «Ты — гений», и у него на минуту потускнел голос. Он понял то, чего я сам не успел понять, выговаривая кривым ртом ненужную фразу, — что я хочу сказать это, пока он жив.

Лосев Л.

Л 79 Меандр : мемуарная проза / Лев Лосев. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 672 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-29684-8

Лев Лосев (Лев Владимирович Лифшиц, 1937–2009) — поэт, литературовед, эссеист, друг и собеседник Иосифа Бродского. Лосев родился в семье детских поэтов Владимира Лифшица и Аси Генкиной, учился на филфаке ЛГУ, был участником объединения «Филологическая школа». Мемуаристика — еще одна важная часть наследия Лосева, помимо стихов и литературоведческих трудов. Лосев пишет о своей юности, о знакомстве с Бродским и о том, какое впечатление будущий нобелевский лауреат произвел при первой встрече, о скандальных выходках «Филологической школы», о послевоенном Ленинграде, об эмиграции и многом другом. Лосев рассказывает о дорогих ему людях и местах с чувством, но при этом как будто оставаясь немного в тени, сохраняя почтительную дистанцию. Эта интонация — подлинное свидетельство любви и уважения к своим героям. «Меандр» — настоящий праздник для всех, кто ценит мемуарную прозу XX века, интересуется историей литературной эмиграции и неподцензурной культурой послевоенного Ленинграда.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛОСЕВ
МЕАНДР

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Валерий Камендо, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.08.2025.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 31,29. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-MOD-38817-01-R